

О.П. КОЗОДАВЛЕВ И «СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

Рассматриваются три сочинения, принадлежащие перу Осипа Петровича Козодавлева (1754–1818): рассказ «Приятное путешествие» и два стихотворения: «Стихи Клелии» и «К другу моему...». Материалы анализа взяты из журнала «Собеседник любителей русского слова», издававшегося в первой половине 1780-х гг., когда русский сентиментализм лишь начал свое развитие. Исследуется проявление раннего русского сентиментализма в становлении новой русской литературы.

Ключевые слова: русский сентиментализм; Просвещение; О.П. Козодавлев; «Собеседник любителей русского слова»; журналистика конца XVIII в.

Период 1780-х гг. является чрезвычайно значимым в истории русской литературы XVIII в., когда многие писатели непосредственно или косвенно стали ориентироваться на сентиментальную литературу. К этому русские писатели были подготовлены самим ходом развития отечественной литературы, а также знакомством с разнообразными европейскими произведениями, посвященными проблемам чувствительности («Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Страдания молодого Вертера» И.-В. Гёте, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо). Соответственно, в России начали появляться их переводы и переделки.

Как отмечали исследователи, например П.А. Орлов и Н.Д. Кочеткова, интерес к теме «чувств человека» наблюдался еще в произведениях Ф.А. Эмина и драмах М.М. Хераскова¹, но все же стремление к созданию произведений сентименталистского характера стало отчетливее именно в 1780-х гг. Более того, если речь идет о русских оригинальных произведениях, их стало намного больше именно во второй половине 1780-х и в 1790-х гг.

Именно в этом отношении заслуживают особенно внимания произведения, опубликованные на страницах ежемесячного журнала «Собеседник любителей русского слова» (1783–1784)². В нём сотрудничали разные писатели, такие как Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, Д.И. Фонвизин и даже сама императрица Екатерина II, в результате чего в этом журнале были представлены произведения различных жанров: статьи, стихи, рассказы, басни, среди которых немало работ было посвящено теме «чувствительности».

Примечательно, что, по словам автора «Предупреждения» к «Собеседнику», участникам этого журнала требовалось или писать оригинальные произведения, или печатать русские переделки иностранных произведений [6. С. 11–12]. Попытка издания журнала такого рода, как «Собеседник», имела большое значение для развития новой русской литературы.

Козодавлев, занимаясь вместе с Е.Р. Дашковой редактированием этого журнала, напечатал в нём три произведения, посвященные значению «чувства»: «Приятное путешествие», стихи «Клелии» и «К другу моему».

Прежде чем перейти к анализу данных материалов Козодавлева, стоит кратко напомнить его биографию. Согласно исследованию историка М.И. Сухомлинова [7] О.П. Козодавлев, родившись в Петербурге в 1754 г. в дворянской семье, получил образование в Германии.

С 1769 по 1774 г. Козодавлев, отобранный самой Екатериной II, был отправлен в Лейпцигский университет за государственный счёт и учился там философии, праву и истории. В том же университете учились А.Н. Радищев и А.М. Кутузов.

Обучение и жизнь в Германии довольно сильно повлияли на молодого Козодавлева³. Он не только пополнял свои знания в области философии и политических наук, но и значительно расширил взгляды на культуру Европы.

Он работал в Российской академии наук, был назначен членом комиссии о русских училищах в 1784 г. и составил проект устава университетов. В начале XIX в., при Александре I, стал министром внутренних дел, издавал регулярно газету «Северная почта или новая Санкт-Петербургская газета» (1809–1819).

Хотя Козодавлев в течение своей жизни проявил себя более как политик, однако он был, как отметил Сухомлинов, «литератор и член Российской академии». Ему нужно было щегольнуть словесностью в министерстве своем» [7. С. 154].

Он занимался литературой в 1770–1780-х гг., больше, чем в последующие периоды своей жизни. Он редактировал собрание сочинений М.В. Ломоносова (1774). Одним из самых значительных литературных работ Козодавлева был первый русский перевод драмы Гёте «Клavigо». К его литературной деятельности можно отнести также издание «Собеседника», где он поместил и три собственных произведения.

Среди трёх анализируемых в настоящей статье текстов главное место занимает рассказ «Приятное путешествие», в котором Козодавлев излагает свое понимание идеи «чувствительности». А стихотворение «Стихи Клелии» и «К другу моему» дополняют рассказ и уточняют основную мысль писателя.

Эти три произведения явно демонстрируют черты сентиментализма (например, описания чувствительного сердца, детальные изображения красоты природы и пр.). Они появились в то время, когда сентиментализм только еще прокладывал путь в русской литературе. Однако до сих пор на них не обращалось достаточного внимания, хотя анализ их может дать нам ключ для выяснения характера раннего русского сентиментализма. Поэтому в данной работе, обращая внимание и на взаимосвязь между тремя текстами, рассмотрим, как Козодавлев относится в своих произведениях к теме «чувства человека».

«Приятное путешествие»

На страницах первой части журнала «Собеседник» был опубликован рассказ «Приятное путешествие» за подписью «К...вь», принадлежащий перу Козодавлева. Рассказчик вспоминает об одном летнем вечере, когда он во время путешествия встретился с «хозяином» некоего дома и тот рассказал ему историю о своей доброте и жестокости богатого знакомого. Комментируя этот рассказ, Сухомлинов утверждает, что его главная идея состоит в контрасте добра и зла [7. С. 326]. Считаем, однако, что такая трактовка упрощает идею Козодавлева, так как в данном случае игнорируются фигура самого рассказчика и те эмоции, которые он испытывает. Ведь эпизод с «хозяином» начинается только во второй половине рассказа, тогда как первая часть посвящена описанию природы и впечатлениям рассказчика от её созерцания.

К тому же рассказчик является ещё и путешественником. А многие произведения на тему путешествия, подобно «Сентиментальному путешествию» Стерна, затрагивали вопросы внутреннего мира человека. И в «Приятном путешествии» Козодавлева физическое путешествие символизирует внутреннее развитие чувствительного героя, т.е. писатель старается тонко передать изменение душевного состояния своего «чувствительного» персонажа, а излагает историю победы добродетели над жестокостью.

В начале истории герой / рассказчик восхищается красивой природой. Увидев освещённые закатным солнцем лес и озеро, он восклицает: «Какое приятное зрелище! Какое услаждение сердцам чувствительным!»; «Я был наисладчайшим чувствованием – чувствованием всякое другое удовольствие превосходящим» [8. С. 40]. Акцент сделан не на красоте самой природы, а на тех ощущениях, которые она вызывает у героя, обладающего чувствительным характером. Далее эмоция, пробуждённая красотой природы, заставляет рассказчика вспомнить о женщине, в которую он раньше был влюблён: «Тогда воображению моему предстало то время, в которое я приведён был в подобный сему восторг добродетельною душою прекрасной Клелии. Напоминание о ней раздражило болезненное моё сердце... слёзы полились из глаз моих, и я погрузился в совершенное забвение самого себя, и кроме Клелии ничего не ощущал» [Там же. С. 41].

Имя Клелии, которое встречается в этом рассказе, больше нигде не упоминается, однако очевидно, что его появление в тексте не случайно и должно напоминать читателям о героине одноимённого любовного романа французской писательницы Мадлен де Скюдери, который был написан в 1648 г. на основе древнеримского предания о храброй девушке по имени Клелия. По сути дела, Скюдери на основе римской легенды написала роман о принципах любовной морали, принятых во французских дворянских салонах XVII в. Несомненно, образованные русские читатели были знакомы в подлиннике не только с этим романом, но и с «Поэтическим искусством» Н. Буало (1674), где была представлена критика данного романа. Исходя из истории восприятия «Клелии» в рус-

ском обществе того времени, можно предположить, что упоминание этого имени Козодавлевым в «Приятном путешествии», видимо, также было связано с идеей любовной морали мадам Скюдери.

Обратимся к эпизоду встречи рассказчика с «хозяином». Первый был погружен в свои любовные воспоминания, а добродетельный и чувствительный хозяин, заметив это, пригласил его к себе в гости и рассказал свою историю для того, чтобы отвлечь гостя от сердечной тоски. Однажды хозяин оказался в загородном доме своего знакомого, богатого человека. Среди приглашенных гостей была вдова, покойный муж которой при жизни спас этого богатого человека из беды. Она пришла к нему за помощью, но тот отказал ей в просьбе. Это событие расстроило гостя богача, он незаметно догнал несчастную вдову и отдал ей свои деньги.

История эта произвела на рассказчика, страдающего от несчастной любви к Клелии, сильное впечатление, и он утешился благородством чувств своего добродетельного хозяина, как он пишет, «созерцанием добродетельного человека, доказывающего добродетель свою исполнением должностей звания своего». Писатель подчёркивает изменение внутреннего душевного состояния своего персонажа: «Чувствование сие производит в груди моей некий пламень, разливающийся по всем членам моим и превозносящий дух мой выше бренности человеческой» [8. С. 52].

Важно, что рассказчик избавляется от страданий любви, но вовсе не отказывается от чувствительности как таковой. Напротив, писатель всячески подчёркивает, что «больное сердце» у этого главного персонажа свидетельствует не о недуге, а о «приятном состоянии» души. К тому же Козодавлев видит положительное влияние «чувствительности» на характеры других персонажей. О хозяине сказано: «вид сего пришельца возвещал человека, имеющего чувствительную душу», а его жена и дети обладают «добродетельной душой» в своем «нежном сердце» [Там же]. Так, по мнению автора, во всяком человеке ценны проявления «чувствительности», потому что она является условием для пробуждения в душе добродетельных свойств.

В этой связи стоит отметить, что в русской литературе того времени уже стал заметен интерес писателей к эстетике грустного чувства. Например, в журнале «Московское ежемесячное издание» была опубликована статья Х.Ф. Геллерта «О приятности грусти» (1756), переведённая с немецкого в 1781 г. А.М. Кутузовым⁴. Геллерт был не только поэтом, но и знаменитым профессором, который читал лекции в Лейпцигском университете, когда там учился Козодавлев. Это имя было, конечно же, значимо для бывших студентов Геллерта.

Таким образом, Козодавлев, опираясь на авторитет темы добродетели, которая пользовалась популярностью в европейской культуре, посвящает свой рассказ идее о том, что чувствительность есть свойство характера, необходимое для развития добродетельной души – главной нравственной ценности сентиментализма.

«Стихи Клелии»

«Стихи Клелии» были опубликованы в шестой части «Собеседника» и посвящены изображению «страсти первой любви и страдания от нее»:

Не знал тогда любви я страстной,
Любил одних своих друзей,
Но вдруг узрев тебя – несчастной!
Лишился вольности своей [11. С. 25].

Из вышеприведённых строк следует, что лирический герой, до этого момента знавший только чувство дружбы, влюбился с первого взгляда. Страдая от несчастной любви, он в конце «Стихов» говорит о своем желании умереть, чтобы избавиться от страданий. Смерть от любви – тема эпохи, в которую был написан «Вертер» (1774) И. В. Гёте:

Без сожаления взираешь
Ты на мучения мои,
И только скорби лишь питаешь
Как взоры встречу я твои.
<...>
Ничто уже не утешает
Меня одна лишь смерть прельщает,
Мое блаженство чту я в ней.
Благотворящею рукою
Меня она туда ведет... [Там же. С. 25–26].

Уже самим названием – «Стихи Клелии» – поэт отчасти напоминает читателям о той любовной морали, которая сформулирована в романе Скюдери «Клелия»: «любовь с первого взгляда» в иерархии чувств располагается ниже, чем «любовь с уважением», которая рождается со временем из чувства дружбы. Однако Козодавлев вносит в эту иерархию свою поправку. В «Стихах Клелии» он относится к страданиям от любви скорее положительно; более того, считает такие страдания полезными для развития внутреннего мира человека.

Стихотворение «К другу моему...» может подтвердить наше предположение. Однако прежде следует уточнить характер связи между всеми тремя сочинениями Козодавлева. «Стихи Клелии» были напечатаны без подписи только через полгода после публикации «Приятного путешествия». Козодавлев, вероятно, ожидал, что читатели смогут понять общую идею этих двух произведений, поскольку в обоих упоминается имя Клелии. Для писателя это было важнейшим условием того, чтобы установить диалог с читателем.

Полагаем, однако, что его намерение поняли не все, поэтому, возможно, стихи «К другу моему...» были помещены за подписью «Сочинитель “Приятного путешествия” и “Клелии”»⁵.

Посредством этой необычной подписи Козодавлев акцентировал внимание читателей на единстве трёх своих сочинений.

«К другу моему...»

В седьмой части «Собеседника» Козодавлев поместил стихи «К другу моему...», которые посвятил поэту Мурзе, автору оды «Фелица» (1783) (за псевдонимом скрывался, как известно, Г.Р. Державин). Именно Козодавлев, высоко оценив державинскую оду, представил её сотрудникам «Собеседника», в результате чего «Фелица» была помещена в первом томе журнала.

Значение «Фелицы» Державина для русской литературы того времени было огромно. Поэт посвятил эту оду Фелице, царице и героине дидактического рассказа «История о царице Флоре» (1781) [13], автором которого была Екатерина II. И Державин, т.е. «Мурза», в своей оде, сравнивая Фелицу с Екатериной II, прославил её добродетельную душу [14. С. 5].

Опубликованная в «Собеседнике» державинская ода удивила и заинтересовала многих читателей своим стилем, изображением личной жизни царицы Фелицы. В результате в очередных номерах журнала появилось немало стихов, упоминавших о «Фелице» и её авторе Мурзе, в том числе и стихи Козодавлева. Среди них было и стихотворение «К другу моему...».

Возможно, что отсылка к «Фелице» и её автору была нужна Козодавлеву для привлечения читательского внимания к своему сочинению. В других своих стихах под названием «К Татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице», он откровеннее высказывает похвалу талантливому Мурзе [15. С. 5].

По сравнению с ними в стихах «К другу моему...» акцент сделан не на достоинствах поэтического дарования Мурзы, а на его «личном страдании» от любви, что объединяет это стихотворение и тему любовных страданий с «Приятным путешествием» и «Клелией».

В стихах «К другу моему...» также изображается любовь без взаимности:

Сладчайшему питью подобно
Лится в сердце к нам любовь,
И в грудь скользя она свободно,
С приятностью волнует кровь;

Но прелести любви опасны,
И следствия ея злощастны
Нам бедным смертным иногда:
Взаимной кто не видит страсти,
Тот чувствуя одне напасти
Покой теряет навсегда [16. С. 41–42].

Совет страдающему от безответной любви «другу», поэту Мурзе, таков:

Избавься, друг мой, сея страсти,
Отвергни слабость от себя:
Тогда исчезнут все напасти,
Узрю в спокойствии тебя.
Будь мужествен, владей собою,
И честною своей душою
Содейлай щастливым твой век –
Но тщетно я того желаю,
Мечтою дух мой обольщаю...
Мой друг!.. ты бранный человек [16. С. 44].

Автор стихотворения, призывая друга отказаться от ненадёжной любви, в то же время осознаёт тщетность своих просьб: очевидно здесь сочувствие к сердечным переживаниям Мурзы. Однако в рассказе «Приятное путешествие» рассказчик в конце решительно избавился от своего любовного недуга.

Позволим себе высказать такое предположение: противоречия в обоих произведениях нет, а Козодавлев остаётся верен близкой ему просветительской идее и возможности преодолеть страдания чувствительного сердца, но в то же время понимает, что несчастная любовь «друга» – это питательная почва для его таланта.

Таким образом, в своих произведениях о несчастной любви, разных в жанровом отношении, Козодавлев отводит «чувствительности» положительное место среди человеческих свойств и в нравственном развитии человека. По нашему глубокому убеждению, все три сочинения Козодавлева связаны между собой единой личной историей. В рассказе «Приятное путешествие» близкий автору герой-рассказчик излечивается от любви, в «Стихах Клелии» герой испытывает сердечные мучения и жаждет смерти, а в стихотворении «К другу моему...» автор, переживший в первом рассказе вместе со своим героем страдания из-за чувствительности, даёт совет поэту и «другу» Мурзе. Хронологически история о несчастной любви, рассказанная в «Стихах Клелии», предшествует «Приятному путешествию». Последним эпизодом единой личной истории является стихотворение «К другу моему...».

Таким образом, завершается картина душевного развития человека. Возможно, это был просветительский проект Козодавлева. Иными словами, посредством публикации этих трёх произведений, где выступает один и тот же рассказчик, Козодавлев попытался представить читателям, что «чувствительность» имеет много сторон и оттенков и является тем, что не

только причиняет неприятности, но и может принести приятность и пользу душе.

Итак, писатель предложил своим читателям два аспекта «чувствительности». Указывая путь избавления от горя или сердечного волнения, он в то же время подчёркивает их нравственную необходимость.

По нашему мнению, именно такое отношение Козодавлева к теме «чувствительности» является чертой раннего русского сентиментализма. Хотя он сохранил в своих произведениях уважение к морали и разуму, как требовала того эпоха Просвещения, в то же время он отвел «чувствительному характеру» важное место, соединив «чувствительность» с традициями эпохи Разума.

Интерес Козодавлева состоял в просвещении чувств человека. Вероятно, слова «я не могу играть в Лире» [16. С. 40] в стихотворении «К другу моему...» отражают отношение самого Козодавлева к творческой деятельности: он не позволял себе стать просто поэтом, который развивает литературную стилистику сентиментализма, а пытался выступить как просветитель.

В шестнадцатой части, т.е. в последней части «Собеседника»⁶, между прочим, были помещены стихи того же Козодавлева «Сновидение» [17]. В них пересказывается история о сне Клитона, который ему в детстве не раз рассказывала мать. Автор, по видимому, написал эти стихи именно для того, чтобы представить читателям картину воспитания внутреннего мира детей, которое было одной из важнейших задач для просветителей 1780-х гг. В трех своих произведениях Козодавлев обратил внимание на чувствительность как на черту характера человека и на то, каким образом следует развивать его внутренний мир, начиная с детских лет. В «Сновидении» явственно присутствуют просветительская и педагогическая идеи, которые были для Козодавлева важнее поэзии как таковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При рассмотрении истории русского сентиментализма мы опирались на работы П.А. Орлова «Русский сентиментализм» [1] и Н.Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания» [2].

² Этот журнал издавался в 1783–1784 гг., состоял из 16 частей. См.: [3]. Что касается «Собеседника», то Н.Д. Кочеткова в своей статье обращает внимание на некоторые стихи Козодавлева: «Козодавлев играл активную роль в издании "Собеседника", и то, что писал он иногда от имени редакции, было или прямым или косвенным отражением мыслей и взглядов Екатерины» [4. С. 278]. Ю.В. Стенник интересуется вопросом русского языка и стиля в этом журнале. При этом он приводит статью Козодавлева «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними З и С и о правописании по сему разделению», считая, что она, «отмеченная явным дилетантизмом, носила сравнительно частный характер» [5. С. 119].

Хотя эти авторы обратили внимание на несколько произведений Козодавлева в «Собеседнике», три рассмотренные нами произведения как «комплекс» до сих пор не изучались.

³ Сухомлинов пишет о нем: «Автор (Козодавлев. – Т.К.) питомец германского университета, вскормленный немецкою литературою, и усвоивший себе, в большей или меньшей степени, взгляды немецких учёных» [7. С. 311].

⁴ В литературоведении середины 20-го в. швейцарский руссизм П.А. Бранг выяснил, что статья «О приятности грусти» не оригинал А.М. Кутузова, он только перевёл статью Геллерта. См.: Кутузов А.М. О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. М., 1781. Ч. 3. С. 141–153 [9]. См.: Brang P.A. A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1962. Bd. 30, Heft 1. S. 44–57 [10].

⁵ Позже, в середине XIX в., Н.А. Добролюбов в своем комментарии, касающемся этих произведений в «Собеседнике», доказал авторство Козодавлева [12. С. 251].

⁶ Об одной статье Козодавлева из последнего тома этого журнала, например, Н.Д. Кочеткова пишет, что «статья появилась в последней XVI книжке и, видимо, должна была подвести какой-то итог деятельности издателей и сотрудников журнала» [4. С. 280].

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов П.А. Русский сентиментализм. М.: Московский университет, 1977. 268 с.

2. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 274 с.

3. Собеседник любителей российского слова в 16 частях. СПб. : Императорская Академия Наук (ИАН), 1783–1784.
4. Кочеткова Н.Д. Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей российского слова» // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М. ; Л. : ИРЛИ РАН, 1962. С. 270–281.
5. Стенник Ю.В. Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век. СПб. : ИРЛИ РАН, 1993. Т. 18. С. 113–130.
6. Предупреждение // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 3–4.
7. Сухомлинов М.И. История Российской Академии наук. СПб. : ИАН, 1882. Т. 6.
8. Козодавлев О.П. Приятное путешествие // Собеседник любителей российского слова : в 16 ч. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 39–53.
9. Кутузов А.М. О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. М., 1781. Ч. 3. С. 141–153.
10. Brang P.A. A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 30, Heft 1. 1962. S. 44–57.
11. Козодавлев О.П. Стихи Клелии // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 6. С. 24–26.
12. Добролюбов Н.А. Собеседник любителей российского слова // Собрание сочинений : В 9 ч. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. Ч. 1. С. 182–278.
13. Екатерина II. Сказка о царевиче Хлоре // Избранные сочинения императрицы Екатерины II. СПб. : Издание Суворина А.С., 1890. Т. 1. С. 39–53.
14. Державин Г.Р. Ода к премудрой Киргизкайсацкой царевне Фелицу, писанная некоторым Татарским Мурзою издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге : переведена с арабского языка 1782 года // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 5–14.
15. Козодавлев О.П. Письмо к татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 8. С. 5.
16. Козодавлев О.П. К другу моему... // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 7. С. 40–44.
17. Козодавлев О.П. Сновидение // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1784. Ч. 16. С. 54–69.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2015 г.

O.P. KOZODAVLEV AND THE JOURNAL *SOBESEDNIK LYUBITELEY ROSSIYSKOGO SLOVA*

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 43–48. DOI: 10.17223/15617793/401/6

Kanazawa Tomoo. Institute of Russian Literature (Pushkin House) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tm.tamij@gmail.com

Keywords: Russian sentimentalism; Enlightenment; O.P. Kozodavlev; *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word]; sensibility; 1780s; virtue.

During the second half of the 18th century, in Russia as well as in Europe, a tendency toward sentimentalism became remarkable. Many Russian writers started to imitate European sentimental works. The article focuses on the three Russian sentimental works of O.P. Kozodavlev which were published in the journal *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word] (1783–1784). In the precedent studies, O.P. Kozodavlev (1754–1818) has been regarded above all as a government official. However, Kozodavlev made a significant contribution to the development of Russian literature, especially in the 1780s. In 1783 the publication of the monthly *Sobesednik* began under the patronage of Empress Catherine II. The editors' main aim was to publish a periodical which consisted only of original articles and literary works written in Russian. Kozodavlev himself, who edited this periodical along with Madam Dashkova, also wrote several important works for it. The analysis of his three sentimental works clarifies the role of aesthetics during the Enlightenment, in the early stages of the development of Russian sentimentalism. The first of his three works, the prose novel *A Pleasant Trip* was published in the first volume of the journal. The narrator-traveller “I” of this story, who was disappointed in love, became acquainted with a virtuous man. The virtuous man invited the narrator to his house and related his former experience of “virtue”. The narrator was deeply impressed by the story about virtue and was able to overcome the sorrow of his lost love. In this novel, the main purpose of the author, Kozodavlev, was to show the narrator “I” overcoming his despair, and to emphasize the importance of “sentimentality” for moral development through comparison with “virtue”. The second work titled “Clelia” is a poem about lost love at first sight. The author points out that the name “Clelia” reminded the contemporary intelligent readers of a French romance, “Clelia” by M. Scudery, in which morals of love in the 17th-century salon society were described. Kozodavlev's third work, “For my Friend”, published in the seventh issue of the journal, was written in a form of a poem in response to Derzhavin's ode “Felica”. In the poem, the narrator advises his “friend” to overcome his sorrow for his lost love. At the same time, the narrator accepts his “friend's” pains, because the “friend” is a poet of genius and it may be necessary for him to suffer deeply in order to create masterpieces. The analysis of the three works leads the author to a conclusion that Kozodavlev the author intended to show them as three scenes of a story with the same narrator-main character “I”. In such a well-devised way, Kozodavlev succeeded in emphasizing the importance of the role of sentimentality in the process of human mental development.

REFERENCES

1. Orlov, P.A. (1977) *Russkiy sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow: Moscow University.
2. Kochetkova, N.D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma (esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian sentimentalism (aesthetic and artistic search)]. St. Petersburg: Nauka.
3. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova v 16 chastyakh* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word in 16 parts]. (1783–1784). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Kochetkova, N.D. (1962) Otzyvy o Lomonosove v “Sobesednike lyubiteley rossiyskogo slova” [Reviews of Lomonosov in the Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Berkov, P.N. & Serman, I.Z. (eds) *Literaturnoe tvorchestvo M.V. Lomonosova: Issledovaniya i materialy* [Literary works of M.V. Lomonosov: Research and Materials]. Moscow; Leningrad: Pushkin House, RAS.
5. Stennik, Yu.V. (1993) Voprosy yazyka i stilya v zhurnale “Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova” [Issues of language and style in the journal Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [The 18th century]. V. 18. St. Petersburg: Pushkin House, RAS.
6. Anon. (1783) Predupreждение [Pre-notification]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 3–4.
7. Sukhomlinov, M.I. (1882) *Istoriya Rossiyskoy Akademii nauk* [History of the Russian Academy of Sciences]. V. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

8. Kozodavlev, O.P. (1783) Priyatnoe puteshestvie [A pleasant journey]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 39–53.
9. Kutuzov, A.M. (1781) O priyatnosti grusti [On the pleasantness of sadness]. *Moskovskoe ezhemesyachnoe izdanie*. 3. pp. 141–153.
10. Brang, P.A. (1962) A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attribuierung anonymen Werke des 18 Jahrhunderts) [A.M. Kutuzov as an agent of Western European sentimentalism in Russia (to the problem the attribution of anonymous works of the 18th century)]. *Zeitschrift für slavische Philologie*. 30:1. pp. 44–57.
11. Kozodavlev, O.P. (1783) Stikhi Klelii [Clelia Poetry]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 24–26.
12. Dobrolyubov, N.A. (1961) Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova [Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Dobrolyubov, N.A. *Sobranie sochineniy: V 9 ch.* [Collected Works: in 9 parts]. Part 1. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
13. Catherine II. (1890) Skazka o tsareviche Khlore [Tale of Tsarevich Chlor]. In: Catherine II. *Izbrannye sochineniya imperatritsy Ekateriny II* [Selected works of Empress Catherine II]. V. 1. St. Petersburg: Izdanie Suvorina A.S.
14. Derzhavin, G.R. (1783) Oda k premudroy Kirgizkaysatskoy tsarevne Felitsu, pisannaya nekotorym Tatarskim Murzoyu izdavna poselivshimsya v Moskvu, a zhivushchim po delam svoim v Sanktpeterburge: perevedena s arabskogo yazyka 1782 goda [Ode to Wise Kyrgyz-Kaysat Princess Felicia, written by a Tatar Murza who has long been settled in Moscow, and living due to his business in St. Petersburg: translated from Arabic in 1782]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5–14.
15. Kozodavlev, O.P. (1783) Pis'mo k tatarskomu Murze, sochinivshemu odu k premudroy Felitse [A letter to the Tatar Murza who composed the Ode to the Wise Felicia]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 8. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5.
16. Kozodavlev, O.P. (1783) K drugu moemu... [To my friend . . .]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 7. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 40–44.
17. Kozodavlev, O.P. (1783) Snovidenie [A dream]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 16. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 54–69.

Received: 30 November 2015